

ется общепринятым среди скандинавских исследователей (23, с. 159—161; 35, с. 50), в советской же литературе оно не употребляется (36; 37, с. 104; 38, с. 161; 39, с. 154). Нам кажется обоснованным предположение, что эти металлические пластинки являются миниатюрным изображением настоящего боевого щита: круглая форма, выпуклая сфера в центре — умбон, рисунок по краю — оковка щита. Заметим, что все эти признаки являются обязательными для украшений данной категории. Изогнутые, радиальные и концентрические линии узора, возможно, отображают или заклепки от шпонок и реек, которыми крепились доски щита, или символические рисунки, нанесенные краской на щиты. Так, на поминальных камнях с о. Готланд имеется несколько изображений щитов с «сегнеровым колесом» (40, с. 65, 154). Показательно и наличие у некоторых украшений тонкой узкой «лентообразной» полоски, крепившейся на обороте привески, проходившей через ее центр по всему диаметру и заканчивавшейся наверху петлей (24, с. 290, 299, 414). В нескольких случаях петля, образованная такой полоской, располагалась на оборотной стороне привески почти по центру, но с нарушением центра тяжести при подвешивании. Вероятно, таким образом копируется приспособление (скоба) для ношения щита.

Рассматриваемую категорию предметов отличает и обязательная солярная символика узора. По-видимому, солярные знаки попали на поверхность щитов с ритуальным или охранным смыслом, а уже отсюда были перенесены на маленькие металлические копии-модели. При этом на привески, вероятно, переходили некоторые функции самого щита — оберегать и спасти владельца, помогать в борьбе добра со злом. Таким образом, щитообразные привески не были простым украшением, а имели определенное магическое, религиозное значение, более сложное, чем «замена» щита в захоронении.

Судя по данным погребений, щитообразные привески являлись исключительно женским украшением и носились большей частью в составе ожерелий. В захоронениях Бирки большинство из них располагалось вместе с бусами и другими подвесками на шее погребенной или в районе грудной клетки (около овальных скорлупообразных фибул) (24, погр. 660, 825, 835, 954, 963, 968 и т. д.). М. Стенбергер предполагал также употребление щитообразных пластинок в качестве накладок или нашивок на одежду (23, с. 159).

По его наблюдению, щитообразные привески являются характерным для скандинавов эпохи викингов украшением (23, с. 159), время бытования которого определяется с конца IX до середины XI в. В фрагментированном виде они сохранились вкладах рубленного серебра вплоть до начала XII в., тогда как комплексы погребений с этими привесками датируются не позднее X в. Основная часть находок происходит с территории материковой и островной Швеции, откуда эти украшения проникли в другие скандинавские земли, на побережье Балтийского моря (Аландские острова, Северная Германия) и в Восточную Европу.

Гнёздовский материал дает 7 различных по технике изготовления и металлическому составу щитообразных привесок и 3 бронзовые неорнаментированные миниатюрные модели щитов, входящие в два набора амулетов. Это составляет примерно седьмую часть от восточноевропей-

ских находок, большинство которых принадлежит к депаспортизованным коллекциям из раскопанных в прошлом веке Владимирских курганов (41). По 1—2 привеске встречено в курганах Калининской и Ярославской областей, раскопанных в XIX в., а также в Псковском некрополе (42), курганах у д. Пересаж (37, рис. 44) и с. Шестовица Черниговской области (38, табл. XXII:3). Кроме того, одиночные находки происходят из культурного слоя Сарского городища (29, табл. II:13), тимерёвского селища (39, рис. 16:1) и из клада у д. Вельково Псковской обл. (28, табл. XXIII:3).

Зерненные щитообразные привески немногочисленны как в Скандинавии, так и в Восточной Европе. Исследовавший этот материал В. Дучко приводит в своей работе 5 экземпляров из Швеции, 3 — из Восточной Пруссии и 3 — с территории Древней Руси (35, с. 50). Из Гнёздова происходит три таких украшения.

Два очень схожих между собой серебряных экземпляра входят в состав клада 1867 г. (43, с. 56, табл. IV:14, 15). Они дошли до нас в почти неповрежденном виде (рис. 4:1,2). Рисунок «сегнерова колеса» на них состоит из изогнутых по часовой стрелке лучей, образованных тремя-четырьмя шариками зерни, посаженными в сканные колечки из рубчатой проволоки, и отделенных друг от друга рубчатыми проволочными лучами. По краю также идет сканная проволока. На обороте к украшениям вдоль всего диаметра (2,5 см) приклепаны лентообразные полоски, образующие петли для подвешивания, невидимые с лицевой стороны (35, рис. 47). Наиболее близка к рассмотренным предметам привеска из погребения 660 в Бирке (13, табл. 97:1; 35, рис. 44). Однако гнёздовские украшения несколько крупнее, имеют по 11 изогнутых «спиц» из зерни и скани против 10 у скандинавской находки, а также больший по размеру выпуклый центр, часто унизанный маленькими шариками зерни в сканных колечках из гладкой, а не рубчатой, как у экземпляра из Бирки, проволоки. Кроме того, у последнего отсутствует петля (край привески обломан), следов полоски-скобки на обороте не обнаружено. Гнёздовский клад, как уже говорилось ранее, датируется концом X — началом XI в., женское трупоположение в камере № 660 относится к так называемому позднему периоду существования Бирки, то есть к 900—975 гг. (4, с. 3; 35, с. 50).

Ближайшей аналогией гнёздовским находкам на территории Древней Руси является щитообразная серебряная привеска из владимирских курганов (41), не совсем точно представленная на рисунке в публикации А. А. Спицына (17, с. 141, рис. 185). Она несколько крупнее гнёздовских (диаметр — 3 см), «сегнерово колесо» состоит из 10 лучей из зерни и скани, отходящих от выделенного сканью (в отличие от описанных выше экземпляров) выпуклого центра, шарики зерни на котором расположены реже и помещены в колечки из рубчатой проволоки. На обороте приклепана полоска, образующая петлю над украшением и проходящая почти вдоль всего диаметра. С владимирской очень схожа вторая (поврежденная) зерненная привеска из Бирки (погребение 825), имевшая также 10—11 лучей из зерни и скани и припаянную полоску-петлю на обороте (13, табл. 97:2). Интересно, что этот комплекс содержал еще одну щитообразную привеску, но украшенную пуансон-

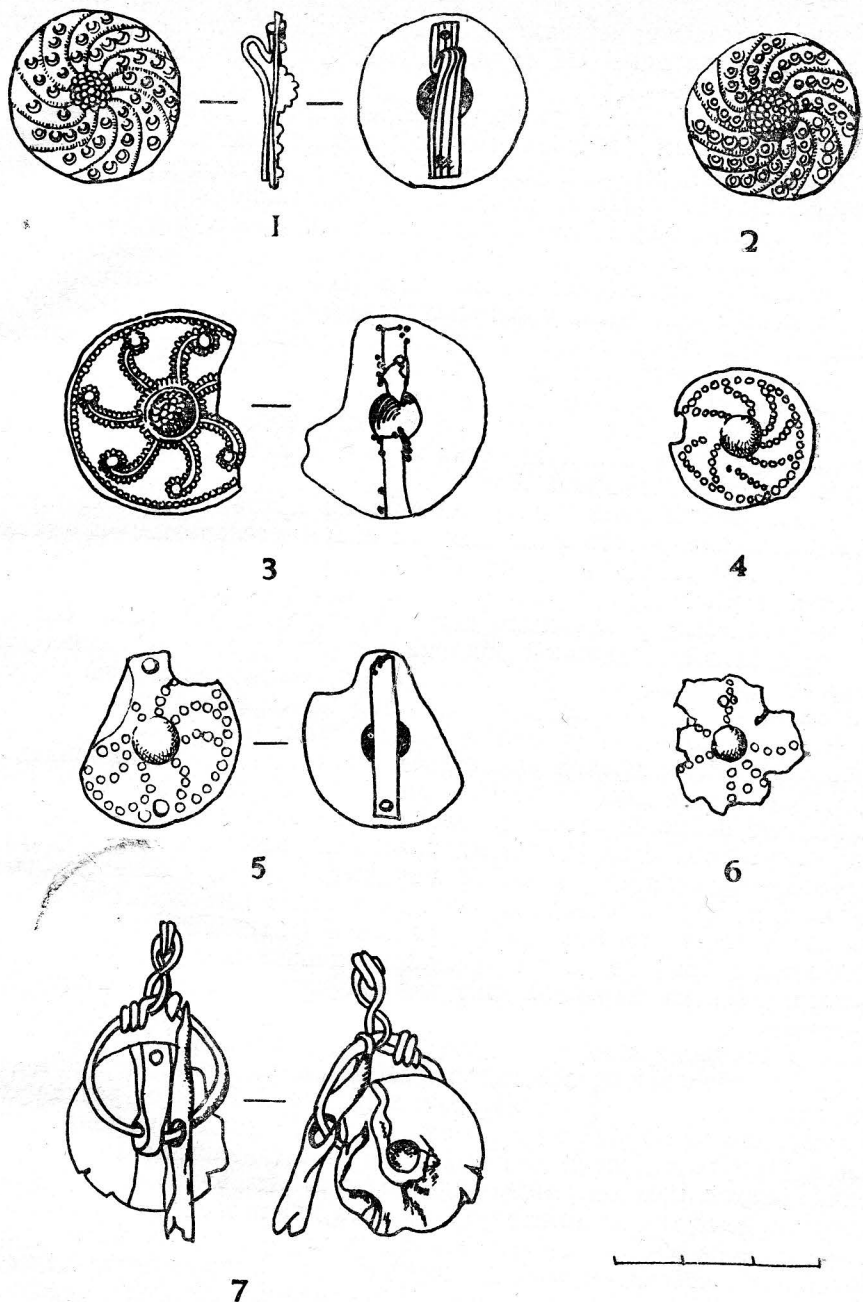

Рис. 4. Щитообразные привески и набор амулетов с миниатюрной моделью щита (7).
 1, 2 — клад 1867 г.; 3 — Ц-61; 4 — Сиз.-?; 5 — Л-23; 6 — Сиз.-1898—6;
 7 — клад 1870 г.; 1, 2 — серебро; 3 — серебро, позолота; 4, 6, 7 — бронза;
 5 — золото

ным орнаментом, кресаловидную привеску и другие амулеты, входившие в состав ожерелья (24, погр. 825). Датируется это камерное захоронение концом IX—X в.

Третья гнёздовская зерненная щитообразная привеска (рис. 4:3) найдена в женском погребении по обряду трупоположения в кургане Ц-61 в скоплении женских украшений и бус. Серебряная позолоченная пластинка, достигающая в диаметре 3 см, частично обломана, но в огне не была. Центральный, достаточно массивный, выступ обрамлен сканной проволокой, с двух сторон которой помещены маленькие шарики зерни, и полностью покрыт зернью большего размера в сканных колечках. От центра отходит 7 изогнутых лучей, состоящих из сканной проволоки и двух рядов мелкой зерни по бокам от нее и завершающихся завитком с крупной каплей зерни в центре. Край окаймлен сканной «веревочкой» и рядом мелкой зерни. На обороте сохранились остатки припаянной вдоль всего диаметра полосы, образовывавшей в центре петлю, и припаявшиеся к ней маленькие шарики зерни. Датируется комплекс второй половиной X в.

Очень близка гнёздовской серебряная привеска из владимирских курганов, также украшенная семилучевым «сегнеровым колесом» из зерни и скани (17, с. 141, рис. 187). Отличаются эти экземпляры при совпадении общего размера лишь величиной и оформлением умбоновидной выпуклости: у владимирского она почти в два раза меньше по диаметру, не имеет сканной обводки, заполнена мелкой зернью, сходящейся на конус и завершающейся крупной каплей в центре. На обороте полностью сохранилась приклепанная полоска-скобка с петлей в середине. Рассматривая зерненные щитообразные привески, В. Дучко назвал это владимирское украшение «славянским подражанием» (35, с. 50). Действительно, отсутствие аналогичных экземпляров в Скандинавии дает возможность предположить их местное производство. При этом сохранение всех значимых признаков языческого щитообразного амулета — круглая форма, умбоновидный выступ, «сегнерово колесо», орнамент по краю, функционально неудобная петля-скобка на обороте — говорит в пользу того, что это украшение (и гнёздовский, и владимирский экземпляры) не утратило первоначальную смысловую нагрузку и, следовательно, было изготовлено для скандинава, а, может быть, и скандинавом.

В восточноевропейском материале имеется еще одна своеобразная аналогия гнёздовской, а соответственно и владимирской привеске, происходящая также из владимирских курганов (41). Это трехсантиметровая двойная пластинка из серебра с большой примесью меди, украшенная повернутым против часовой стрелки «сегнеровым колесом» из 10 «спиц», отходящих от умбоновидного, чуть уплощенного центра. Литье довольно качественно имитирует рисунок, образованный сканной проволокой и разными по размеру шариками зерни. Петля не сохранилась. Подобные находки на территории Северной Европы неизвестны.

Более распространенная группа штампованных щитообразных привесок, украшенных пуансонным орнаментом, представлена в Гнёздове четырьмя экземплярами, происходящими из захоронений. Во всех случаях использовался кольцевой пуансон, образующий рисунок из круж-

ков. Этот вариант орнаментации более характерен для Восточной Европы, тогда как в Скандинавии, судя по опубликованным украшениям данной категории, предпочтение отдавалось точечному пуансону. Три гнёздовские привески⁴ сделаны из бронзы, одна — из золота, что несколько отличает их от североευропейских, традиционно серебряных, древностей. В остальном они близки.

Золотая привеска была найдена в трупосожжении в кургане Л-23 (рис. 4:5). Автор раскопок Д. А. Авдусин интерпретировал это погребение как мужское, однако погребальный инвентарь не позволяет считать данное украшение принадлежащим мужчине. Орнаментом и композицией гнёздовская находка идентична другим скандинавским и восточноевропейским щитообразным привескам: «сегнерово колесо» образовано девятью изогнутыми по часовой стрелке лучами, отходящими от выпуклого центра; край также выделен кружками. На обороте приклепана золотая пластинка-скобка с обломанной петлей для подвешивания, которая располагалась в верхней части и, возможно, выступала над краем, как у зерновой владимирской привески (17, с. 141, рис. 185). Датируется комплекс серединой X в.

Две маленькие (диаметр около 2 см) бронзовые щитообразные привески происходят из курганов, раскопанных В. И. Сизовым, в исследовании которого опубликована одна из них (44, с. 128, табл. V:18). Этот экземпляр немного обломан: вероятно, несохранившаяся петля была приклепана сверху и в дальнейшем утрачена вместе с частью пластинки (рис. 4:4). Орнаментальный мотив — «сегнерово колесо» из восьми изогнутых против часовой стрелки лучей, что отличает его от других гнёздовских находок. Таким же образом направленное «сегнерово колесо» изображено на привеске из клада у д. Вельково Псковской обл. (28, табл. XXIII:3), на трех привесках из владимирских курганов (41), на привеске из южношведского клада третьей четверти X в. (45, табл. 44:II:17), а также на шите у всадника на одном из поминальных камней о. Готланд (40, с. 65). Чем вызваны эти отклонения от традиционной схемы пока не выяснено. Другой, сильно повреждённый экземпляр из Гнёздова (Сиз.-1898-6) позволяет лишь определить, что рисунок состоит из семи лучей, радиально отходящих от центра или слабо изогнутых против часовой стрелки (рис. 4:6). Подобное «колесо» с прямыми спицами можно видеть на двух привесках из Бирки (13 табл. 97:15, 18), датирующихся X в., а также на ряде щитообразных украшений из владимирских курганов (41). На обороте гнёздовской пластины сохранился остаток приклепанной скобки с одной стороны и отверстие с заклепкой с другой. Следовательно, петля здесь была оформлена как у привесок из курганов Ц-61 и Л-23 или из клада.

Таким образом, щитообразные амулеты, найденные в Гнёздове, в основном близки скандинавскому и восточноевропейскому материалу и отличаются от него лишь незначительными деталями, исключение составляет лишь экземпляр из кургана Ц-61, не имеющий аналогий за пределами Древней Руси. Для зерновых привесок из клада 1867 г. следует отметить тесное родство с находками из Бирки. Много параллелей

⁴ Изображением бронзовой привески из кургана Ц-184 мы не располагаем.

дают богатейшие коллекции из раскопок Владимирских курганов. Датируются гнёздовские комплексы с щитообразными привесками от середины X до рубежа X—XI вв. Этот хронологический диапазон уже времени их бытования как в Скандинавии, так и на территории Восточной Европы (X—середина XI в.), однако он совпадает с периодом их максимального распространения в обоих регионах.

Иногда в культурном слое скандинавских поселений, в погребениях и кладках эпохи викингов встречаются миниатюрные модели различных предметов — так называемые «миниатюры» (*miniaturer*). Они представляют собой маленькие копии оружия, а также таких бытовых предметов, как косы или серпы, кресала и жезлы или посохи. Кроме того, среди них есть миниатюрные стулья и человеческие фигурки. Часто, но не всегда, они имеют отверстие или петлю для подвешивания и собираются вместе по несколько экземпляров на маленьком кольце. Трактуются эти предметы исследователями как амулеты (26, с. 171).

Среди русских древностей также известны привески в виде миниатюрных предметов быта и оружия: ложки, ковшики, гребни, ключи, ножи, ножны, топоры и мечи, найденные в захоронениях вместе с другими амулетами (46, с. 94; 47, с. 400; 48, с. 130—131). Несмотря на некоторое сходство в составе изображаемых объектов, их набор, техника исполнения, способ прикрепления и ношения (на длинных цепочках или на привеске арочной формы) значительно отличают их от скандинавских амулетов, что делает возможным выделение последних из огромной массы древнерусских материалов.

Особое место среди уменьшенных изображений оружия занимают «молоточки Тора». Помимо них копировались также наконечники копий и мечи, возможно связанные с богом-воителем Одинем, которого даже называли «повелителем копья» (49, с. 43). Маленькие модели кос или серпов, вероятно, являются изображением одного из основных атрибутов бога плодородия Фрейра, который представлен на одном из поминальных камней Готланда с серпом в руке (50, с. 15). Кресаловидные привески, как уже говорилось, передавали форму калачевидных кресал и несли на себе элементы культа священного жертвенного и очищающего огня.

Наиболее сложным представляется определение смысла маленьких круглых или, реже, четырехгранных стерженьков, иногда орнаментированных насечками и входящих обычно по несколько экземпляров в состав наборов амулетов, нанизанных на одно кольцо. Скандинавские и финские исследователи называют их по-разному: палочки, удлиненные брелоки, миниатюрная трещотка. Л. Тунмарк-Нюлен рассматривает эти амулеты как изображение необходимой принадлежности вёльвы — жезла («*völva*»-«*stavbärerska*»-«несущая жезл») (26, с. 171, 296), служившего средством передвижения души предсказательницы в потустороннем мире во время колдовства (26, с. 230). Н. А. Макаров приводит мнение Э. Кивикоски, полагающей, что «стерженьки являются схематизированными изображениями молотов Тора» (51, с. 181). Однако такая интерпретация маловероятна, так как в некоторых связках амулетов стерженьки встречаются вместе с тщательно выполненными Т-образными «молоточками Тора» (30, с. 239 № 755; 1, с. 287, рис. 1:4).

Таким образом, миниатюрные (редко крупнее 2 см) копии предметов быта и оружия, изготовлявшиеся из серебра, бронзы и железа и соединявшиеся по нескольку штук (2, 4, 6 и более) в связку на едином кольце, изображали атрибуты скандинавских богов или предметы, надевленные, по мнению викингов, магической силой. Такие наборы амулетов были распространены довольно широко на европейском Севере: на островах и в материковой Швеции, Дании, Финляндии. Каждая связка по-своему уникальна, так как состав, компоновка, форма, размер, техника изготовления и количество привесок сильно варьируют. Это дает возможность предположить их изготовление по индивидуальным заказам, а следовательно, и различие в смысловой нагрузке отдельных наборов. Датируются эти находки X—XI вв.

На территории Восточной Европы наборы миниатюрных скандинавских амулетов представлены на незначительном количестве памятников: в Новгороде (32, с. 61), псковском некрополе (42), селище Никольском V (51, с. 92, рис. 6:6), Вологодской обл. и кургане у с. Городище Ярославской обл. (17, с. 108, рис. 33). Основная же масса находок происходит из гнёздовского археологического комплекса.

В гнёздовский клад 1870 г. (второй под № 24 из описанных у Г. Ф. Корзухиной (28, с. 88, табл. VIII:33)) входит связка, состоящая всего из двух бронзовых амулетов, надетых на кольцо с завязанными концами и высокой петлей (рис. 4:7). Первая привеска представляет собой круглую щитообразную бляшку с продавленным умбоновидным выступом в центре и петлеобразной скобкой на обороте, в отверстие которой продето кольцо. Этот амулет близок рассмотренным выше щитообразным привескам по форме, размеру, материалу и наличию неудобной скобки-петли, но отличается отсутствием орнаментации. Миниатюрные изображения щитов в североевропейских связках нам неизвестны, но в гнёздовском материале, в наборе из кургана Ц-170, имеется еще две бронзовые неорнаментированные модели щитов. Вторая, несколько поврежденная, привеска изображает наконечник копья с большим отверстием для подвешивания посередине. Миниатюрный наконечник копья также входил в состав набора серебряных амулетов из клада на о. Эланд, датированного М. Стенбергером не ранее 1050 г. (23, с. 166, рис. 41:13). Три наконечника, скопированные в бронзе, относятся к уже упомянутому набору из кургана Ц-170. Гнёздовский клад 1870 г. (курган?) датируется монетами серединой — второй половиной X в.

В Государственном Историческом музее хранится набор железных амулетов из раскопок С. И. Сергеева на гнёздовском поселении в 1900 г. На четырехгранное неперекрученное кольцо диаметром в 3,5 см надето три тонких плоских модели кос с отверстиями посередине (рис. 5:1). Петли кольцо либо не имело, либо она была отломана (место стыка проволоки повреждено). По размеру, форме и методу прикрепления привесок, а также по материалу рассматриваемый комплекс близок экземпляру из Бирки с двумя амулетами-серпами, происходящему из точно не датированного погребения с остатками ладьи (13, табл. 108:3; 24, с. 470).

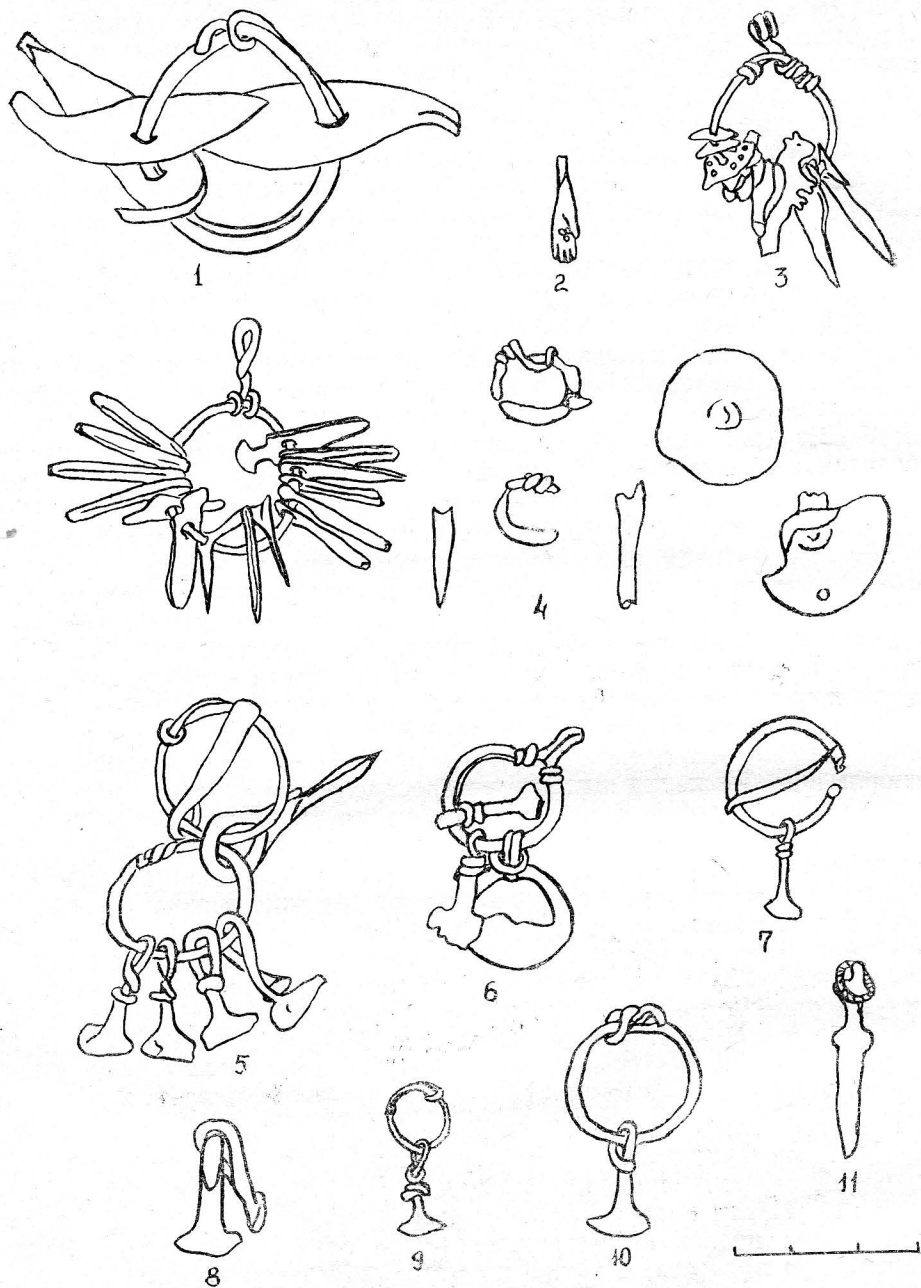

Рис. 5. Наборы амулетов и отдельные экземпляры.
 1, 2, 3, 7 — городище; 4 — Ц-170; 5, 8, 10 — селище; 6 — Ц-245; 9 —
 Серг.-16(74); 11 — Л-47. 4, 7 — бронза; 2, 3 — серебро; 1, 5, 6, 8—10 —
 железо; 11 — железо, серебро.

Набор бронзовых амулетов был найден в 1976 г. в кургане Ц-170. В его состав входил 21 предмет: 10 стерженьков-жезлов, по 3 модели мечей и наконечников копий, по 2 кресаловидные и щитообразные привески (рис. 5:4). Кольцо, на которое надеты миниатюры, имеет несколько вытянутую форму (2×2,4 см), завязанные концы и высокую, как у экземпляра из клада 1870 г., петлю. Связка находилась в кострище, поэтому многие амулеты сильно пострадали от огня. Тем не менее на обороте миништитов сохранились фрагменты приклепанных полосок-скобок с петлей посередине, почти напротив умбовидной выпуклости, сближающие их с описанными выше орнаментированными экземплярами. Кресаловидные привески имеют сглаженный нижний выступ и перекрученные концы. Надо отметить, что маленькие изображения кресал входят по одному в состав серебряного набора амулетов из клада с о. Эланд (23, рис. 41:13), железной связки из г. Новгорода (32, с. 61), бронзового комплекса из псковского некрополя (42), а также железного экземпляра из кургана Ц-245. Миниатюрные модели мечей и наконечников копий в наборе из кургана Ц-170 прикреплены к кольцу при помощи отверстий, пробитых в центре, что сближает их с аналогичными привесками эландского набора. Укажем также, что из раннего гнёздовского кургана Л-47 происходит одиночная железная привеска длиной около 3 см в виде меча, в навершие которого вставлено серебряное рубчатое колечко (рис. 5:11). Вероятно, она входила в состав несохранившегося набора амулетов. В рассматриваемом гнёздовском наборе маленькие стерженьки-жезлы надеты на кольцо через отверстия в верхней части. Подобные амулеты известны в связках с о. Эланд, из Дании (30, № 755), из Бирки (13, рис. 104:3), из Финляндии (52, рис. 27), а также с селища Никольское V (51, рис. 6:6 на с. 92). В основном они серебряные, но есть и железные. Таким образом, гнёздовский комплект из кургана Ц-170, с одной стороны, уникален по количеству компонентов, а с другой стороны, близок североевропейскому и древнерусскому материалу по качественному составу. Е. Г. Андреева определила, что в данном кургане были сожжены взрослый человек и ребенок (53, с. 58). Инвентарь свидетельствует в пользу того, что здесь погребен мужчина. Датируется комплекс X в.

В 1984 г. при раскопках гнёздовского городища была обнаружена связка амулетов, вырезанных из тонкого серебряного листа. 16 различных привесок надеты на кольцо из тонкой серебряной проволоки с перекрученными концами, образующими петлю (рис. 5:3). Все миниатюры подвешены с помощью пробитой в центре дырки, эти отверстия, а также и сами предметы сделаны довольно неаккуратно, края неровные, зазубренные. Среди изображений имеются геометрические фигуры (квадрат, круги, полукруг, восьмигранники), сложенные вдвое пластинки, имитирующие ножны, наконечник копья, человеческая ладонь, фигурка смешного пузатого человечка, нога в сапоге и фигурка какого-то зверька, туловище которого напоминает зайца, а морда — лося без рогов. Элементы в виде человеческой фигуры и частей тела можно сопоставить с антропоморфными скандинавскими языческими амулетами, а также маленькой серебряной привеской в форме руки, на ладони которой помещены три пуансонных кружка, происходящей также из слоя гнёз-

довского городища (рис. 5:2). Однако по технике исполнения и по составу эта связка уникальна и не имеет аналогии ни в Скандинавии, ни в восточноевропейском материале. Т. А. Пушкина, исследовавшая гнёздовский комплект, видит его магические функции в обеспечении личного здоровья, благополучия и плодородия (2).

С Гнёздовского селища происходит железное тордированное в одном месте колечко с нанизанными на него четырьмя изящными «молоточками Тора»; это колечко соединено с маленьким пробоем и с его помощью с круглопроволочным железным кольцом примерно того же диаметра с завязанными концами, на котором подвешен амулет в виде стерженька (рис. 5:5). Петля для подвешивания отсутствует. Наличие пробоя связывает гнёздовский набор амулетов с серебряными миниатюрными связками из Бирки (погр. 60) (13, рис. 104:2,3). Первая из них состояла из двух «молоточков» подпрямоугольной формы, петлеобразно прикрепленных к маленькому серебряному кольцу, на которое надет пробойчик. На другом кольце также с пробойчиком висело 4 круглых стерженька. С помощью пробоев эти две связки амулетов были прикреплены к деревянному предмету, от которого сохранился небольшой кусочек дерева. Интересно, что под куском дерева уцелел фрагмент кожи, что дало Х. Арбману возможность предположить наличие в погребении кошелька, в котором лежали 3 гирьки, а также рассматриваемые амулеты (24, с. 24). Вероятно, связки первоначально были закреплены на стенке ларца или сундука (следы подобного предмета в погребении отсутствуют), потом они были сняты, в результате чего на пробое остались следы дерева, и положены в кожаный кошелек рядом с телом покойной. По инвентарю погребение датируется третьей четвертью X в. Т. А. Пушкина считает, что гнёздовские амулеты также должны были «прикрепляться к какому-то деревянному предмету» (1, с. 287), предположительно ларцу или сундуку.

В кургане Ц-245 обнаружено небольшое железное кольцо с кресаловидной привеской и двумя миниатюрными «молоточками Тора» (рис. 5:6). Этот набор, как и ряд других связок, снабженных специальной петлей для подвешивания, мог прикрепляться к одежде (поясу?) или входить в состав ожерелья. По составу привесок и материалу гнёздовская находка близка амулету из Новгорода, напоминающему уменьшенную в 4 раза гривну с надетыми на нее кресальцем и четырьмя «молоточками Тора» (32, с. 61). В кургане Ц-245 женщина похоронена по обряду трупосожжения, датируется погребение второй половиной X в.

В слое гнёздовского селища встречены две отдельные железные привески-«молоточки Тора»: в одном случае «молоточек» был помещен на железное проволочное кольцо с завязанными концами (диаметр 2,3 см) (рис. 5:10), в другом — 2 «молоточка» оказались скреплены друг с другом посредством широких петель, образованных их «рукоятками» (рис. 5:8). Из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове (курган Серг.-16(74)) происходит опубликованный А. А. Спицыным (54, рис. 19) и хранящийся в Государственном Историческом музее миниатюрный железный молоточек на маленьком колечке⁵ (рис. 5:9). Интересна и

⁵ В слое кострища кургана Серг.-16(74) было найдено восемь таких привесок, связывавшихся исследователями с несохранившейся шейной гривной (54, с. 46), однако в настоящее время в коллекции ГИМ содержится лишь один экземпляр.

необычна находка в слое гнёздовского городища маленькой бронзовой круглопроволочной фибулы (диаметр около 2 см), на дуге которой оказался подвешенным миниатюрный бронзовый «молоточек» (рис. 5:7). Подобные спиралеконечные подковообразные застёжки широко известны (55, с. 152), но экземпляр с привеской — пока единственный. Одиночные привески-«молоточки» представлены также в материалах Старой Ладogi (56, с. 137, рис. 1:3) и селища Никольское V («молоточек» был скреплен с железным костыльком цепочки, продетым в его петлю) (51, с. 92, рис. 6:3). Все эти привески могли прикрепляться к шейным гривнам (Старая Ладога, курган Серг.-16 (74)), употребляться как самостоятельные амулеты (Никольское V, гнёздовское селище) или входить в состав несохранившихся связок, как и привеска-меч из кургана Л-47, и серебряная привеска-ручка из слоя Гнёздовского городища. Показательно, что большинство таких находок дали культурные слои поселений.

Итак, нами была рассмотрена группа миниатюрных изображений связанных со скандинавской мифологией предметов быта и оружия, составлявших наборы амулетов. Все эти религиозные предметы были найдены как в захоронениях, так и на поселениях и вкладах, что говорит об их использовании не только в погребальном ритуале, но и в повседневной жизни. Возможно, некоторые из них крепились к ларцам и «охраняли» имущество их владельцев, другие носились на одежде (прикреплялись к поясу или хранились в кошельке), подвешивались к фибулам или ожерелью, оберегая хозяина. Связки амулетов были встречены как в мужском (с ребенком), так и в женских погребениях, что свидетельствует в пользу того, что они употреблялись и мужчинами и женщинами.

Гнёздовские находки отличаются от североевропейских древностей преобладанием изделий из железа (что имеет параллели в Финляндии и на территории Восточной Европы), наличием бронзовых экземпляров и многофигурных композиций. На общем фоне выделяется по составу компонентов и технике исполнения серебряный набор с городища. Датируются амулеты из Гнёздова, как и восточноевропейский материал в целом, в пределах X в. с преобладанием предметов середины — второй половины X в.

Подводя итоги, мы видим, что в гнёздовском материале представлены следующие категории скандинавских языческих амулетов: железные гривны с разнообразными привесками, кресаловидные и щитообразные привески, миниатюрные связки. Подобные предметы не могли служить объектом международной торговли и попали в Гнёздово вместе с носителями культа или были изготовлены для них здесь. Преобладание женских захоронений с амулетами объясняется, во-первых, тем, что некоторые категории этих сакральных предметов употреблялись только женщинами, и, во-вторых, меньшей защищенностью этой группы населения наряду с детьми. При этом с большей достоверностью можно предположить, что женщины, погребенные с кресаловидными и щитообразными привесками, а особенно с наборами амулетов и железными гривнами, были скандинавками, а не местными наложницами, одетыми по скандинавской моде и вкусу хозяина. Тем не менее единичные на-

ходки скандинавских языческих амулетов без связи с погребальным обрядом и инвентарем не могут быть использованы в качестве бесспорных этнических индикаторов.

Наиболее ранние скандинавские культовые находки в Гнёздове сравнительно немногочисленны и относятся к первой половине X в., тогда как основная их масса датируется серединой — второй половиной X в. и исчезает вместе с остальным скандинавским материалом в XI в. Амулеты мало представлены в крупных и богатых скандинавских погребениях и преобладают в средних по обилию инвентаря и размеру захоронениях, что, вероятно, связано со спецификой их употребления и погребальным обрядом (амулеты присутствуют более чем в трети скандинавских кремаций в Гнёздове, но единичны в ингумациях). Женские и детские захоронения с культовыми предметами, а также находки их на поселении свидетельствуют в пользу проживания в Гнёздове скандинавских семей.

Примечания

1. Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из Гнёздовского поселения//СА. 1981. № 3. С. 285—290.
2. Пушкина Т. А. Три амулета из Гнёздова//Проблемы археологии Евразии. М., 1991 (в печати).
3. Ström K. Thorshammerringe und andere Gegenstände des heidnischen Kults//Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 127—140.
4. Gräslund A. S. Birka IV: The Burial Customs. Stockholm, 1980.
5. Фехнер М. В. Шейные гривны//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 55—87.
6. Дубов И. В. О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора»//Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 262—268.
7. Авдусин Д. А. Скандинавские погребения в Гнёздове//Вестн. Моск. ун-та. Серия 8. История. 1974. № 1. С. 74—86.
8. Ström K. Torshammaringen — ett i Västmanland unikt vikingatida föremål//Särtryck ur Västmanlands Fornminnes förenings Årsskrift. Lund, 1973. S. 105—117.
9. Фехнер М. В. О происхождении и датировке железных гривен//Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966. С. 101—104.
10. Davidson Ellis H. R. Pagan Scandinavia. London, 1967.
11. Петрухин В. Я. Погребальный культ языческой Скандинавии: Автореф. канд. дис. М., 1975.
12. Arwidsson G. Valsgårde 6. Uppsala—Stockholm, 1942.
13. Arbmán H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm—Uppsala, 1940.
14. Конецкий В. Я., Носов Е. Н. Загадки Новгородской округи. Л.: Лениздат, 1985.
15. ГИМ, инвентарный № 104427.
16. ГИМ, инвентарный № 97709.
17. Спицын А. А. Владимирские курганы//ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84—172.
18. Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno—Ougrien. III. Helsingfors, 1878.
19. Уваров А. С. Моряне и их быт по курганным раскопкам//Труды I Археологического съезда. Т. 2. М., 1871.
20. Успенская А. В. Раскопки на оз. Селигер//АО 1971 г. М., 1972. С. 94—95.
21. Сабурова М. А., Седова М. В. Некрополь Суздаля//Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91—130.
22. Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
23. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotland der Wikingerzeit. Bd I: Text. Stockholm, 1958.
24. Arbmán H. Birka I: Die Gräber. Text. Stockholm, 1943.
25. Stenberger M. Die Schatzfunde Gotland der Wikingerzeit. Bd. II: Fundbeschreibung und Tafeln. Stockholm, 1947.
26. Vikingatidens ABC. Statens historiska museum 1981.

27. Сведения о находках кресаловидных привесок в Старой Ладoge любезно сообщены О. И. Давидан.
28. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954.
29. Эдинг Д. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.
30. Jeg ser på oldsager, 880 danske oldsager i tekst og billeder. Politikens forlag. København, 1973.
31. Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
32. Гайдукoв П. Г. О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа)//Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1988. С. 61—63.
33. Hägdh V. Feuerstahle//Birka II: 1. Op. cit. S. 155—160.
34. Пушкина Т. А. К вопросу о составе и датировке Большого Гнёздовского клада: Доклад на чтениях памяти А. В. Арциховского в МГУ. Янв. 1981. Кафедра археологии.
35. Duczko W. Birka V: The filigree and granulation work of the Viking Period. An analysis of the material from Björkö. Stockholm, 1985.
36. Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси//СА. 1960. № 4. С. 56—67.
37. Ширинский С. С. Курганы X в. у дер. Пересажа//КСИА. Вып. 120. М., 1969. С. 100—106.
38. Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
39. Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
40. Ny l é n E., L a m m J. P. Bildsteine auf Gotland. Neumünster, 1981.
41. ГИМ, инвентарный № 54746.
42. Сведения о находках в г. Пскове щитообразных привесок, железных гривен и набора амулетов любезно предоставлены И. К. Лабутиной и И. О. Колосовой.
43. Гушин А. С. Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.
44. Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска//МАР. № 28. Спб., 1902.
45. Hägdh V. Wikingzeitliche Depotfunde aus Südschweden. Katalog und Tafeln. Bonn, Lund, 1976.
46. Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 88—132.
47. Рыбаков Б. А. Прикладное искусство и скульптура//История культуры древней Руси. Т. II. М.; Л., 1951. С. 396—464.
48. Журжалина Н. П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка//СА. 1961. № 2. С. 122—140.
49. Turgville-Petre E. O. G. Myth and religion of the North: The religion of ancient Skandinavia. London, 1964.
50. Сокровища викингов: Каталог произведений искусства и памятников культуры Швеции II—XI вв. из собраний Государственного исторического музея в Стокгольме и других музеев Швеции. Л., 1979.
51. Макаров Н. А. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий)//Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 57—93.
52. Kivikoski E. Die Eisenzeit im Aurafussgebiet. Helsinki, 1939//СМЯ. XLIII.
53. Андреева Е. Г. Osteологические материалы из Гнёздова//СА. 1980. № 1. С. 56—63.
54. Спицын А. А. Гнёздовские курганы в раскопках С. И. Сергеева//ИАК. Вып. 15. Спб., 1905. С. 6—70.
55. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы//Труды ГИМ. Вып. 43. М., 1967. С. 149—190.
56. Давидан О. И. К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией//СС. Вып. XVI. Таллинн, 1971. С. 134—144.
57. Булкин В. А. «Курган 97» из раскопок С. И. Сергеева в Гнёздове//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. С. 138—142.
58. Клетнова Е. Н. Раскопки Гнёздова левобережного//Смоленская старина. Вып. III.Ч.2. Смоленск, 1916. С. 33—41.